

Первый блинъ — да комомъ.

Посвящается Анатолію Владиміровичу Плотрацкому.

— Ну когда-же, Вася, дождемся мы наконецъ благополучія усыпывать твоихъ гончихъ?—среди шумныхъ толковъ объ охотѣ, спросилъ своего племянника Николай Алексѣевичъ З....

— Дайте срокъ, дядюшка, скоро, скоро!—отвѣчалъ ему молодой помѣщикъ сосѣдняго уѣзда, Василій Андреевичъ Б....

— Давно наслушался я твоихъ обѣщаній, а кажется мнѣ снѣгъ, пошелъ ужъ 3-й годъ, какъ ты держишь своихъ знаменитыхъ гончихъ безъ всякой пользы и для себя и для другихъ. Отдай-ка ихъ лучше мнѣ, Вася!

— О нѣтъ, милѣйшій дядюшка, съ этими собаками я ни за что не разстанусь. Онѣ отличной породы, чистокровныя и я самъ буду тѣшиться ими на славу!

— Но когда-же, мой милый?

— А вотъ въ будущемъ мѣсяцѣ я ѣду въ Москву, гдѣ уже приисканъ отличный довозчикъ; къ сентябрю привезу его въ Голубино и нынѣшнею-же осенью начнемъ съ Вами, изъ подъ моей стаи, немилосердно бить не одного зайца, но и краснаго звѣря, по которому мои костромичи гоняютъ отлично, но конечно не теперь, подъ управленіемъ моихъ доморощенныхъ мужлановъ. Съ ними, скажу Вамъ, дядя, ѣздить просто безобразіе! Но Вы, я знаю, очень вѣдь тяжелы на подъемъ, а потому въ свою очередь обѣщайте мнѣ не отказать явиться въ Голубино по первому же извѣщенію Васъ о прибытіи ко мнѣ настоящаго довозчика!

— Торжественно обещаю, голубчикъ, обнимая племянника сказалъ Николай Алексѣевичъ, — и вотъ В. А. (указывая на меня) будетъ не только свидѣтелемъ, но и спутникомъ, и и за него тебѣ ручаюсь!

Описанное условіе заключено было 8 іюля 185* года, въ день храмоваго праздника села С.... Т.. губерніи, Н... уѣзда, когда почти всѣ наличные помѣщики этого уѣзда съѣзжались къ богатому и, въ торжественныхъ случаяхъ, широкогостепріимному владѣльцу имѣнія, Николаю Алексѣевичу З.,—пображничать, поиграть въ картишки, душу отвести въ горячихъ преніяхъ о, начавшейся уже съ Петрова дня, ружейной охотѣ.

Хозяинъ, несмотря на то, что давно уже перевалилъ за полсотню лѣтъ, былъ еще очень бодръ и свѣжъ и до такой степени страстенъ къ охотѣ вообще, а къ ружейной въ особенности, что зачастую стыдилъ въ слабости и изнѣженности молодыхъ сотоварищей своихъ въ полѣ, когда они отказывались такъ-же быстро и неумоимо какъ онъ, цѣлые дни, съ ранняго утра и до поздняго вечера, да къ тому-же въ самое знойное время года, преслѣдовать тетеревиные выводки. Но и до гончихъ Николай Алексѣевичъ былъ очень падокъ и не держалъ ихъ самъ только по врожденной расчетливости, чтобы не сказать скупости, но за то чужими пользовался всегда съ удовольствіемъ и бѣгалъ за ними съ необычайнымъ рвеніемъ. Когда мнѣ случалось съ моею стаей и борзыми брать поля по сосѣдству съ его усадьбой, милѣйшій Николай Алексѣевичъ непременно выѣзжалъ въ доморощенный долгушъ своей на указанный пунктъ и весь день неумоимо гонялся за стаей, почти постоянно пѣшкомъ. Безсмѣнный спутникъ, камердинеръ и оруженосецъ, почти сверстникъ по годамъ его, плѣшивый Кондраша, не смѣлъ отставать отъ него ни на шагъ, и обремененный, кромѣ ружья своего, ношей длиннѣйшаго чубука съ трубкой, кисета съ жуковымъ и объемистой фляги съ крѣпительнымъ зельемъ, онъ по пятамъ, какъ тѣнь, слѣдилъ за нимъ и при каждой остановкѣ, съ вѣчно подобострастною улыбкою, моментально спѣшилъ поподчивать батюшку-барина, Николая Алексѣевича. Баринъ, по обычной добротѣ своей, очень рѣдко отказывался отъ приглашенія вѣрнаго своего Жокриса и обыкновенно съ полудня, къ великому удовольствію моему и сохраненію жизни неповинныхъ зайцевъ,—выстрѣлы его становились все менѣе и менѣе вѣрными...

Славный былъ человекъ Николай Алексѣевичъ!

Прошла вторая половина лѣта и наступила давно желанная всѣми псовыми охотниками осень. Я тогда только что за годъ завелъ свою охоту, а потому, съ 1-го сентября зарядивъ въ отъѣзжее, съ юношескимъ пыломъ рыскалъ въ полѣ запоемъ, безъ усталости, безъ отдыха, безъ дневокъ. Вымахавъ до-нельзя борзыхъ

и совершенно опѣшивъ гончижь, я съ сокрушеннымъ сердцемъ, въ двадцатыхъ числахъ сентября, подъѣзжалъ къ своему дому, когда издали увидалъ верховаго, какъ оказалось нарочнаго отъ Николая Алексѣевича З., изъ села С...

— Баринъ приказали кланяться и сейчасъ же просить отвѣта,—соскакивая съ взмыленной лошади отрапортовалъ мнѣ разбитной малый Яшка, суетливо доставая изъ за пазухи за 25 верстъ привезенное письмо.

«Наконецъ-то, милый другъ В. А.», гласила рукопись Николая Алексѣевича, «у Василия Андреевича В. оказался доѣзжачій и онъ непремѣнно насъ обоихъ требуетъ къ себѣ. Завтра, благо ты на полпути, явлюсь къ тебѣ, а далѣе до Голубина поѣдемъ на твоихъ. Отвѣчай. Н. З.»

Отвѣтъ мой конечно былъ: «хорошо, ожидаю»!

Свечера сдѣлавъ распоряженія о лошадяхъ и завтракѣ, я, въ надеждѣ на усиленную пальбу въ никѣмъ нетронутыхъ мѣстахъ Голубинскихъ, далеко за полночь самъ набивалъ патроны и успокоился лишь когда два патронташа мои оказались переполненными губительными зарядами. Вопреки обычныхъ привычекъ З... всегда и всюду опаздывать, на этотъ разъ онъ пріѣхалъ, съ неизбѣжнымъ своимъ Кондрашей, не только въ ожидаемое время, но даже ранѣе, что однако не помѣшало ему, послѣ сытнаго завтрака, продолжавшагося часа три, одну за другою, выкурить до пятнадцати трубокъ. На замѣчаніи мои, что насъ вѣроятно будутъ ждать, а главное что придется по незнакомой мнѣ дорогѣ ѣхать ночью, Николай Алексѣевичъ, систематически прицеливаясь, по привычкѣ, языкомъ, возражалъ все одно и то же: «Еще поспѣемъ, мой милый другъ»!

Послѣдствія безцѣльной проволочки времени, какъ я и ожидалъ, оправдались вполнѣ. Давно уже стемнѣло, когда, измученные плохой дорогой, добрые кони наши дотащили насъ до Голубина, гдѣ хозяинъ, услышавъ стукъ экипажа и бречанье бубенцовъ, встрѣтилъ насъ на крыльцѣ горячими упреками.

— Помилуйте, дядюшка, мы всѣ уже теряли надежду Васъ увидѣть, ждали къ обѣду, ждали къ чаю, ночь на дворѣ, а Васъ все нѣтъ и нѣтъ! Впрочемъ, уже вполголоса добавилъ онъ, суетясь около насъ въ сѣняхъ,—по правдѣ признаться пріѣзжайте Вы часами двумя раньше, то еще застали-бы меня въ отчаяніи...

— А что? поспѣшили перебить Николай Алексѣевичъ, развѣ доѣзжачій твой сбѣжалъ?

— Нѣтъ, не обѣждалъ, дядюшка, а сейчасъ только что прѣхалъ. Я еще вчера ожидалъ его, а онъ запоздалъ, всю ночь плуталъ въ дорогѣ и прибылъ сюда, не болѣе какъ съ полчаса, я даже еще и не видалъ его! Но теперь слава Богу, всѣ въ сборѣ, будемъ-же дѣть, пить и веселиться.

И съ этими словами живой Василій Андреевичъ въ припрыжку опередилъ насъ, чтобы громко возвѣстить о прѣздѣ нашемъ въ гостиную, гдѣ уже на трехъ столахъ козыряли наши добрые знакомые, всѣ до одного занятые ружейные охотники. Не успѣли мы съ чувствомъ и разстановкой раскланяться съ красавицей-хозяйкой, женою Б..., какъ онъ насильно уже всунулъ намъ карты въ руки и повлекъ къ зеленому полю. Мы доканчивали первый роберъ только что введеннаго тогда ералаша, когда лакей тайно и что-то шепнулъ партнеру нашему, Василю Андреевичу. Бросивъ карты свои, онъ тотчасъ-же вскочилъ съ мѣста и во всеуслышаніе, съ нѣкоторою даже торжественностью, провозгласилъ:

— Господа! пришелъ доѣзжачій.

Въ эту минуту изъ передней отворилась дверь и на порогѣ показалась фигура такъ давно ожидаемой личности, о которой уже столько успѣлъ наговорить намъ любезнѣйшій хозяинъ нашъ Б. Всѣ мы, по его примѣру оставивъ карточные столы, окружили вошедшаго и съ повѣстнымъ любопытствомъ стали разсматривать это чудо — доѣзжачаго, начинашаго, по рассказамъ Василя Андреевича, свою славную карьеру выжлятникомъ въ знаменитой охотѣ Г. въ Тульской губ., а затѣмъ у К. въ Орловской, гдѣ даже цѣлую осень онъ правилъ трудную, но и почетную должность доѣзжачаго

Наружность Федота Афанасьева не представляла ничего особеннаго; средняго роста, коренастый, съ просѣдью и выразительными глазами, онъ казался на видъ дѣтиной лѣтъ 40 съ небольшимъ. Поклонившись намъ всѣмъ почтительно, но вмѣстѣ и съ сознаніемъ своего достоинства, онъ на вопросы Б. коротко далъ объясненіе о причинахъ его задержавшихъ въ дорогѣ, а когда Василій Андреевичъ, не стѣняясь его присутствіемъ, въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ пустился въ десятый разъ повѣствовать намъ о его подвигахъ и славахъ, какъ извѣстнаго наѣздника и знаменитаго мастера своего дѣла, — Федотъ Афанасьевъ, скромно потушивъ взоры, замѣтилъ: «Повремените хвалить, баринъ! Буду всѣми силами стараться, а угожу-ль? не знаю».

— А видѣлъ ли ты, голубчикъ, нашихъ гончихъ? съ сіяющимъ отъ полного благополучія лицомъ, приставалъ къ нему Б... Не

правда ли, чудные вѣдь псы на видѣ, а въ поиску и въ стайной гоньбѣ, безъ хвастовства могу тебя увѣрить, что подобныхъ не найдешь нигдѣ! Да видѣлъ-ли ты ихъ? опять допрашивалъ онъ.

— Затягивуль-сь, суровымъ голосомъ отвѣчалъ довзжачій, а каковы они есть въ работѣ, посмотримъ завтра.

Въ виду необходимости дать Федоту отдыхъ, Василій Андреевичъ съ видимымъ сожалѣніемъ рѣшился наконецъ прервать столь интересную аудіенцію съ довзжачимъ и отпустивъ его на покой, еще долго по его уходѣ, восторгался фигурой Федота Афанасьева и золотыми мечтами объ ожидающемъ насъ завтра наслажденіи.

— А вотъ, говоря Федота-же словами, лучше завтра посмотримъ сами, — неожиданно съ ближайшаго отъ насъ стола, басомъ пропѣлъ Дмитрій Александровичъ Д...; старый и опытный охотникъ и дальній родственникъ хозяина дома. — Что-то чуется мнѣ, что этотъ хваленый молодецъ не угодить тебѣ, Василій Андреевичъ!

— Почему такъ? И изъ чего ты выводимъ это заключеніе? какъ-бы обиженнымъ тономъ вскрикнулъ В. Не назовешь-ли ты и его, какъ называешь мужлана моего Матюшку, тоже бабой?

— Нѣтъ, напротивъ! Этотъ хватъ уже того, больно строго смотреть! — съ лукавой улыбкой процѣдилъ Д... и тутъ-же, видимо съ цѣлью переменить разговоръ, съ азартомъ хлопнулъ тузомъ чужую даму и съ громкимъ хохотомъ добавилъ: а вотъ ее по усамъ!

Въ исходѣ 11-го часа сѣли ужинать, а затѣмъ еще долго сыгрывались направо — налево и только во второмъ часу ночи удалось отретироваться въ назначенныя для ночлега комнаты обширнаго Родубинскаго дома. Меня помѣстили съ Николаемъ Алексѣевичемъ З., который, закутываясь съ головою подъ теплое одѣяло, со вздохомъ, на прощаньи обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— А что-то завтра будетъ, В?

Я только что собирался высказать мои соображенія, какъ убѣдился въ ихъ бесполезности, — почтеннѣйшій З. уже захрапѣлъ съ присвистомъ.

Только что стало свѣтать, дверь наша съ шумомъ отворилась и мы заспанными глазами узрѣли передъ собою, уже одѣтаго въ полевой костюмъ свой, Василія Андреевича.

— Бога Вы не бойтесь, Господа! День чудный, хоть и съ вѣтеркомъ, — чай готовъ, экипажи сейчасъ подають, стая уже пошла къ Чудиновскимъ лядинамъ, а Вы-то все еще нѣжитесь!

Ради Бога вставайте! Кондраша, подавай скорѣй господамъ одѣваться, скорѣй, скорѣй! отбарабанилъ скороговоркой Б., и не выслушавъ разумныхъ возраженій противъ поспѣшности своего дядюшки-медлителя, Николая Алексѣевича, онъ опрометью побѣжалъ въ сосѣднія комнаты будить и шевелить сонную братію. Часа черезъ полтора три просторныхъ долгуши везли насъ, 15 стрѣлковъ, къ прославленнымъ Чудиновскимъ лядинамъ, гдѣ, по увѣреніямъ нашего энергическаго хозяина, были не только міриады зайцевъ, но частехонько попадались и лисицы.

Дорогой, во время громкихъ разсужденій объ ожидаемомъ полѣ и упорныхъ увѣреній одного молодого, но ужъ очень горячаго охотника Г..., что на основаніи видѣннаго имъ ночью сна, онъ непременно долженъ убить кумушку, — я нагнулся изъ долгуши, чтобы узнать откуда между колесъ слышался подозрительный стукъ, какъ будто-бы лопнувшей шины; но мой сосѣдъ Дмит. Александр. Д... поспѣшилъ меня успокоить, значительно мигнувъ на громадный задній ящикъ, въ которомъ звонко стучали бутылки.

— Анна Петровна, пояснилъ онъ, мало того, что красавица писаная, но она у насъ и хозяйка презаботливая! Тутъ вѣдь, батюшка, въ этомъ ящикѣ хранилище всякой провизіи въ огромнѣйшемъ размѣрѣ!

Испытавъ на шестиверстномъ разстояніи жестокіе толчки въ бока нерессорнаго экипажа, по убійственной, изрытой колесами, проселочной дорогѣ отъ Голубина до Чудиновскихъ лядинъ, мы наконецъ увидѣли ожидающую насъ стаю въ опушкѣ далеко раскинувшейся уймы.

Соскочивъ съ долгушъ, все общество обступило пресловутыхъ гончихъ. Впереди стаи на сивомъ, очень острокопостомъ конѣ возсѣдалъ угрюмый Ѳедотъ Афанасьевъ, а по сторонамъ оба, какъ называлъ самъ владѣлецъ ихъ Василій Андреевичъ, доморощенные мужланы — Матюшка и Прошка; по наружному виду, они, вмѣстѣ съ неуклюжими лошадьми своими, казались только что взятыми отъ бороньбы. Собаки, всѣ одномастные, черныя со свѣтлыми подпалинами, ростомъ, статями и главное ногами, были на видъ очень недурны, но въ сожалѣнію раскормлены до безобразія. Я не удержался отъ замѣчанія объ ихъ невозможномъ тѣлѣ, на что Василій Андреевичъ поспѣшилъ объяснить мнѣ, что «онѣ болѣе года какъ не были въ полѣ и понятно разжирѣли съ лежки, но что эта бѣда легко поправима, и Вы, В. А. увидите сами; какія паратыя онѣ будутъ недѣли черезъ двѣ, три».

Доѣзжацій, снявъ шапку, выслушалъ приказанія Василя Андреевича: метать стаю съ мѣста-же, отсюда, держаться болѣе правой руки, слѣва вѣдь будетъ топъ,—но вообще дать гончимъ полную волю, такъ какъ насъ стрѣлковъ немало, островъ большой и мѣста хватить для всѣхъ!

— А мы, господа, добавилъ Б., обращаясь къ намъ, раздѣлимся пополамъ и справа и слѣва займемъ въ острову лужайки и двѣ широкія дороги. Заяць теперь еще на кругу, лаза его опредѣлить здѣсь точно нельзя, но по гоньбѣ вѣдь нетрудно перерѣзать ему путь. Главное, господа, внимательно слушайте гончихъ!

Не теряя минуты и вскинувъ ружья за плечи, 8 стрѣлковъ потянулись налѣво, а остальные 7 направо; въ числѣ послѣднихъ, вмѣстѣ съ З. и Д., пошелъ и я. На ходу оглянувшись назадъ, я увидѣлъ какъ по отрывистому приказанію доѣзжачаго разомкнуть гончихъ, «мужланы» слѣзали съ клячъ своихъ, причемъ даже профанъ Прошка просто скатился съ сѣдла, на правую сторону... Нѣсколько минутъ спустя, прежде чѣмъ мы успѣли выбѣжать на первую лужайку, неистово закипѣла стая, жарко погнавъ, какъ мы полагали, по зрячему. Быстро пронеслись мимо насъ всѣ гончія, заливаясь одна передъ другою, но увы, скоро оказалось, что онѣ брехали лишь сторяча, съ лежки, а потому промчавшись сотню сажень, онѣ всѣ разомъ смолкли и на глазахъ нашихъ потекли въ разбродъ, зря, безъ малѣйшаго поиска. Громкое и внушительное порсканіе Оедота Афанасьева сразу совершенно заглушило гнусавые возгласы «мужлановъ». Рысцей слѣдя за гончими и прорывившись невдалекѣ отъ насъ, онъ доставилъ намъ истинное удовольствіе услышать звонкій, прекрасный баритонъ его, но минутъ черезъ пять все смолкло и мы изъ слуха потеряли и доѣзжачаго, и прятныхъ, на короткѣ, его гончихъ! Прошло съ часъ томительнаго ожиданія; не вѣтерокъ, какъ утромъ опредѣлилъ Василій Андреевичъ, а вѣтеръ, и очень рѣзкій, сталъ пронизывать меня насквозь, дую отъ насъ въ догоню стаѣ;—чтобы нѣсколько согрѣться, я пустился бѣгомъ по тому-же направленію, но скоро мнѣ пришлось убѣдиться, что по разбоистой мѣстности, мнѣ совершенно неизвѣстной, найти гончихъ трудно, почти невозможно! Не лучше-ли вернуться къ своимъ сосѣдямъ З. и Д.? думалъ я и рѣшился на послѣднее.

— Гдѣ-же стая? увидѣвъ меня, они издали кричали мнѣ.

— Право не знаю, не видно ее и ничего рѣшительно не слышно! Гдѣ будемъ мы искать ее и куда идти? вопросомъ-же отвѣчалъ я.

— Какъ, куда идти? Конечно къ долгушѣ. Стало холодно, а тамъ хоть согрѣмся! порѣшилъ Николай Алексѣевичъ.

Д... былъ его-же мнѣнія, добавивъ притомъ, что онъ еще вчера зналъ, что сегодня будетъ одна лишь «ерунда»! Однако, по настоятельной моей просьбѣ, оба нетерпѣливые пріятеля мои согласились переждать еще четверть часа и мы снова разошлись по своимъ лазамъ. Но здѣсь и меня вскорѣ одолѣла нестерпимая скука! Впрочемъ кто изъ страстныхъ охотниковъ не испытывалъ ее, на вѣку своемъ, когда приходилось ему, стоя въ одиночествѣ, ожидать отбившихся гончихъ и отъ холода постукивать зубами? Руки и ноги мои окоченѣли и я, поневолѣ проплывавъ на одномъ мѣстѣ еще нѣсколько минутъ, окончательно потерявъ терпѣніе и бросился къ своимъ сосѣдямъ, но ихъ въ кустахъ уже не нашелъ и полагая, что они благоразумно уже отретировались къ экипажамъ, я бѣгомъ пустился туда-же. Въ расчетахъ я не ошибся, заставъ около долгушѣ, развалившихся на коврахъ, не только З. и Д., но и всю стрѣлковую команду нашу, за исключеніемъ лишь хозяина Б... все еще въ надеждѣ скоро дождаться появленія пропавшей стаи, о которой еще ни было ни слуха, ни духа!...

Дары гостепріимной Анны Петровны оказались дѣйствительно очень щедрыми. Чего, чего не вытаскивалъ Кондраша изъ походной кладовой задняго ящика въ нашей долгушѣ!

Запасы привезенныхъ яствъ, холодныхъ и горячихъ, печеныхъ, вареныхъ, жареныхъ—и всѣхъ разнообразныхъ питій, конечно удовлетворить могли, не только наше маленькое общество, а цѣлую роту проголодавшихся солдатъ... Съ холода, да съ горя, наши господа не церемонились и когда я подошелъ, многіе изъ нихъ уже совершенно согрѣлись!... Остротамъ и злословію объ исчезнувшихъ гончихъ, съ хваленымъ ихъ доѣзжачимъ, не было предѣловъ; онѣ сыпались со всѣхъ сторонъ немилосердно. Но когда мы замѣтили подходящихъ къ намъ Василія Андреевича и ретиваго товарища его Г..., всѣ намеки и шутки по этому предмету сразу прекратились; да и грѣшко было-бы трунить надъ злополучнымъ распорядителемъ неудавшагося поля. На Б. не было лица человѣческаго,—блѣдный и видимо раздраженный, онъ былъ просто жалокъ!...

Всѣ мы, понявъ его неловкое передъ гостями положеніе, какъ-бы сговорились между собою избѣгать щекотливаго вопроса о пропавшей стаѣ и старались *faire bonne mine au mauvais jeu*. Каждый изъ насъ полѣзъ изъ кожи, чтобы развлечь, успокоить его. Несмотря на то, хозяинъ неохотно принималъ учас-

тіе въ оживленномъ разговорѣ, хмурился и нервно вздрагивая, поминутно оглядывался въ ту сторону, куда утекли его гончія.

— Петька! внезапно закричалъ онъ одному изъ молодыхъ кучеровъ своихъ, садись на пристяжную и скачи, что есть духу, узнать гдѣ стая.

— А ты, Кондраша, распорядился почтенѣйшій Николай Алексѣевичъ, влѣзь-ка на ту вонъ осину и посмотри сверху не увидишь-ли чего?

И Петька и Кондраша поспѣшили исполнить приказанія господъ своихъ: первый, проворно вскочивъ на гнѣдую кобылу, очертя голову понесся по кустамъ въ невѣдомыя пространства, а второй, переваливаясь со стороны на сторону, мелкими шажками, трусцой побѣжалъ къ указанному дереву, съ большими усиліями сталъ на него карабкаться, шапкой зацѣпилъ за сукъ, обнажившій его совершенно плѣшивую голову и хотя не безъ труда и крикѣвша, но достигнувъ почти вершины рослой осины, онъ выпрямился тамъ и величественно окинувъ взоромъ всю окружающую мѣстность, съ вѣчною улыбкою, мягкимъ голосомъ возвѣстилъ:

— Ничего, батюшка-баринъ Николай Алексѣевичъ, въ волнахъ не видно!

Взрывъ громкаго хохота всей компаніи былъ отвѣтомъ на далеко неутѣшительное сообщеніе.

Прошло еще немало времени, настать уже второй часъ полудни; изсякли предметы разговоръ, а вмѣстѣ съ ними стали пустѣть и бутылки, — а ни стая, ни посланнаго за нею, нѣтъ и нѣтъ!

— Козьма! опять вскрикнулъ Василій Андреевичъ, дурака я Петьку послалъ, онъ ничего не найдетъ, да и самъ пропадетъ, пожалуй! Поѣзжай-ка ты на коренникъ и хоть изъ подъ земли, а добудь мнѣ анаемскую стаю!

— Кондраша, а Кондраша! позвалъ снова З., слазай-ка еще разъ на дерево, авось можетъ быть и увидишь!

Одновременно кучеръ племянника полѣзъ на лошадь, а бессмысленный ординарецъ дядюшки—на осину, но результатъ гимнастики послѣдняго оказался тотъ же: «ничего-моль, батюшка-баринъ, Николай Алексѣевичъ, не видать».

Становилось и смѣшно и глупо, но дѣлать нечего, надо было покориться злой судьбѣ и съ глубокой досадою на сердцѣ, вооружиться еще долготерпѣніемъ!

Приглашеніе З. съ горя опрокинуть круговую было принято единодушно, а вслѣдъ затѣмъ предложеніе Д... выпить всѣмъ за здоровье нашего радушнаго и дорогого хозяина, — Василія Андреевича, одушевило не только все общество, но даже нѣсколько и самого виновника тоста. Разговоръ оживился снова, полились охотничьи рассказы и несбыточные анекдоты, изъ которыхъ рельефнѣе другихъ оказалось вымышленное повѣствованіе того-же балагура, Дмитрія Александровича Д..., о новомъ сосѣдѣ его по имѣнію, — помѣщикѣ Апполонѣ Ивановичѣ Ш., только что приступившему къ организации псовой охоты. Вернувшись недавно съ Кавказа въ края родные, Ш. оставилъ службу и конечно первымъ дѣломъ отставнаго нижегородскаго драгуна, было завести борзыхъ и гончихъ.

— Какого достоинства собаки его, съ увлеченіемъ рассказывалъ Д..., «я не знаю, но на дняхъ вотъ какой, съ нимъ самимъ, Апполономъ Ш., и доважачимъ его Глѣбъ, приключился необычайный казусъ. Посудите господа, сами! Познавъ неопровержимую истину, что истребленіе дикихъ волковъ принесетъ имъ, псовымъ охотникамъ, несравненно болѣе въ нашемъ краю славы, чѣмъ азартная погоня за безвредными зайцами, оба они, баринъ и псарь, верхами пустились въ сосѣднія болота, на поиски волчьихъ выводковъ, но, по незнанію мѣстности, заплутались и только поздненько вечеромъ добрались до предполагаемаго гнѣзда. Мѣсто адѣсь оказалось топкое, лошади вязли по колѣна, продолжать путь верхомъ стало затруднительно, а подобраться ближе хотѣлось непременно! Только что съ трудомъ вытащили коней, причемъ Ш. потерялъ очки, безъ которыхъ онъ и двумъ ничего не видитъ, какъ на бѣду натыкаются на здоровую изгородь.... Что дѣлать? «Привяжемъ-ка, Ап. Ив., здѣсь лошадей и пойдемъ пѣшкомъ на отзывъ», предложилъ Глѣбъ. Сказано, сдѣлано! Кони привязаны къ изгороди, а охотники лѣзутъ въ чащу крѣпкаго болота, вязнуть по брюхо, отзываются, снова вязнуть, но лѣзутъ впередъ, опять воютъ, но не отыскавъ волковъ, окончательно теряютъ направленіе къ обратному пути и пробившись во тьмѣ ночной, до полного истощенія силъ, — ярые охотники до «краснаго» только къ утру, конечно пѣшкомъ, дотащились до дому. Первымъ дѣломъ было послать за лошадьми, привязанными у изгороди; но каково удивленіе, каковъ ужасъ Апполона Ш. при извѣстїи, что посланные его нашли на указанномъ мѣстѣ, одни лишь стремяна.

— А куда-же дѣвались лошади? въ одинъ голосъ прервали игривый разсказъ Д... двое изъ слушателей.

— Пока баринъ съ доѣзжачимъ отзывали волковъ, не отдавшихъ имъ голоса, сами волки подобрались къ изгороди и съ голодухи слопали обѣихъ лошадей, съ серьезной миной пояснилъ проказникъ Дмитрій Александровичъ.

— Какъ? Даже съ сѣдлами?! наивно переспросилъ юноша...

— Да, съ сѣдлами, невозмутимо отвѣчалъ Д....

— Вдуть, вдуть, Василій Андреевичъ, вдругъ раздался радостный возгласъ съ жовель долгуши третьяго кучера, увидѣвшаго показавшихся въ мелочахъ всадниковъ.

Въ одинъ мигъ мы всѣ были на ногахъ.

— Господа, скомандоваль ободрившійся Б., становитесь окорѣй по мѣстамъ, будетъ еще потѣка!

Мы уже засуетились разбирать ружья, но Д., пристально всмотрѣвшись по направленію, указанному кнутомъ кучера, сразу остановилъ наши порывы. Дѣйствительно ясно видно было, какъ версты за двѣ подвигались къ намъ мелочами пятеро конныхъ, но не въ разсыпную, а тѣсной кучей, слѣдовательно они, не ровняясь островомъ, шли къ намъ напрямикъ. Оставалось опять не горячиться, а все еще ожидать разъясненія непостижимой загадки, куда такъ далеко и такъ давно пропадала стая? Но вотъ наконецъ все яснѣй и яснѣй стали выдѣляться надъ мелкими кустами силуэты доѣзжачаго, выжлятниковъ и обонихъ кучеровъ; уже стало возможнымъ разглядѣть сумрачную фигуру Ѳедота Афанасьева и безсмысленно-оторопѣлыя лица его мужлановъ.... Вотъ наконецъ выѣзжаютъ они всѣ изъ опушки, одни, безъ единой собаки!!! Что-бы это значило? подумаль каждый изъ насъ.

— А гдѣ-же гончія? не выдержавъ долѣе, громко закричалъ Василій Андреевичъ, быстро зашагавъ на встрѣчу доѣзжачаго.

— Гончія! глухимъ голосомъ повторилъ Ѳедотъ Афанасьевъ, съ лѣваго плеча сбросивъ всѣ смычки на землю и медленно слѣзая съ лошади. Всѣхъ повѣсилъ!!!!...

— Что-о-о-о? не вѣря ушамъ, переспросилъ растерявшійся Б....

— Въ пята гнали! Всѣхъ до одной, на осину вздернулъ! невозмутимо повторилъ доѣзжачій, прямо и смѣло глядя въ глаза, пораженнаго изумленіемъ, барина.

Б. стремительно бросился на Ѳедота и если-бы мы всѣ не оттащили разсвирѣпѣвшаго владѣльца погибшей стаи,—дѣло плохое могло кончиться палачу ея....

На обратномъ пути въ Голубино, всѣ вѣхавшіе въ одной толгѣ съ Василиемъ Андреевичемъ, всячески изощрялись успокоить, утѣшить его; большинство участниковъ этого знаменательнаго поля, съ искреннимъ убѣжденіемъ, строго обвиняли довѣжачаго въ непозволительной дерзости, въ возмутительномъ самоуправствѣ! Что касается меня грѣшнаго, то хотя и обязался я въ видѣ утѣшенія Б., послѣ осенней вѣды, подарить ему два смычка изъ моей стаи,—но, мысленно конечно, я не только оправдывалъ энергичный подвигъ Федота Афанасьева, но въ душѣ преклонился предъ нимъ и если-бы могъ, не оскорбляя добрейшаго Василья Андреевича, то конечно сейчасъ-же взялъ-бы его къ себѣ.

Но моему тогда разумѣнію, истый довѣжачій не могъ поступить иначе!...

Какъ бы то ни было, но грустная развязка *перваго* поля злополучнаго охотника Василья Андреевича Б. тяжело повліяла на общее расположеніе духа всѣхъ гостей его, и въ тотъ-же вечеръ они разъѣхались по домамъ, предоставивъ ему одному справиться тривну о 16, безъ славъ навшихъ друзей и членовъ стаи.

Само собою разумѣется, Федотъ Афанасьевъ поспѣшилъ насъ всѣхъ поинудить Голубино.

П.

Тифлисъ,
15 февраля
1883 г.